

Советское Искусство
МОСКВА.

3
Т. И. 1935

Проф. А. И. Абрикосов

Заслуженный деятель науки

Признание зрителя

Московский художественный театр я знаю давно. Передо мной как зрителем прошли основные этапы его творческой работы — Чехов, насыщенные социальным протестом пьесы Горького, увлечение Ибсеном, Достоевским. С необычайным волнением я входил в его зрительный зал в послереволюционные годы. Я ждал показа иных пьес, углубления новых тем и социального и психологического порядка, поставленных перед человеком в наше время. Я ждал, как по-новому зазвучит слово с подмостков наиболее культурного, наиболее значительного театра России, созданного в эпоху предреволюционную и творчески продолжающего развиваться в годы Октября.

Две пьесы произвели на меня особенно глубокое впечатление — в последние годы «Страх» Афиногенова и «Мертвые души». Обе я смотрел в Художественном театре.

Профессорскую среду я лично знаю очень хорошо. Я свидетель того глубокого разлада, который эта среда испытывала в первый период революции. Я знаю, какими

зигзагами, какими порою мучительно замедленными темпами отдельные представители нашей науки шли к принятию Октября. Я знаю и о той атмосфере недобросовестного отношения к советской власти, царившей в нашем научном мире, в которой расцветали пышным цветом и прямое вредительство и его косвенные невольные пособники.

Тема «Страх» меня необычайно заинтересовала. Я этот спектакль сравниваю с лучшими этапными постановками МХАТ. В трактовке проф. Бородина артистом Леонидовым я почувствовал подлинную социальную и психологическую правду. Колебания профессора, его пафос ученого, его страстная честность даже там, где он косвенно действовал против общества, членом которого он является, а следовательно, объективно и против науки, — все это с необычайной тонкостью, убедительностью, актерским мастерством воссоздано Леонидовым.

Есть в этом спектакле та основная нота, которая напомнила мне

мрачные образы Штокмана, Михая Крамера на подмостках этого же театра. Я себя чувствовал не зрителем в партере театра, а человеком, перед которым раздвигается подлинная драма жизни, насыщенная глубочайшим смыслом.

«Мертвые души» освежили в моей памяти Гоголя таким, каким я его запомнил при чтении в юные годы. Необычайно широкое полотно развернулось перед моими глазами — вся николаевская Россия середины прошлого столетия, весь kaleidoscope ее мертвых душ. Я знаю, что специалисты, театроведы, нашли очень много недостатков в этой постановке. Я уверен, что в их упреках, брошенных театру, много верного и обоснованного. Но я не специалист, а рядовой зритель в театре и в своем суждении руководствуюсь только своими непосредственными впечатлениями. Каким глубоким ужасом повеяло на меня от херь Собакевича, Ноздрева и пр. в исполнении Тарханова, Москвина и других корифеев Художественного театра.

Для меня оба эти спектакля — «Мертвые души» о застойном болоте крепостной Руси и «Страх» о близкой мне среде советских ученых — явились символом не только огромного пути, проделанного родной страной от времен Чичикова до дней Кибяева. Я получил подлинное художественное наслаждение, подлинное удовлетворение, как гражданин своей страны, как ученый и как поклонник театра, развитие которого прошлю рядом с моей собственной жизнью.